люди искусства

КАРТИНЫ ЛЮДЯМ

Ольга МАКАРОВА

ДАЖЕ в самые беспросветно пасмурные дни, когда свинцовое небо давит на кровли домов,— даже и тогда в холле нового административного здания в Бауске яростно брызжет солнце. Три огромных витража излучают его. Они — о нашей жизни. Смотрите: симфония возрожденного села. На первом плане — красавица-жница в традиционном латышском национальном костюме. Голубое небо. Золотые, тяжелые, как косы девушки, колосья. И чуть эскизный, чуть игрушечный комбайн на горизонте. И всюду свет, свет, свет!

Глядишь на этот триптих — одно из последних произведений народного художника Латвии Гирта Вилкса — и думаешь: какое же это счастливое, жизнерадостное искусство! Сколько оптимизма, добра несет людям этот солнечный талант. И трудно, просто даже невозможно поверить, что автор бауских витражей — человек, скованный тяжким недугом.

Обычно беда обрушивается на человека внезапно. Но тут были сигналы надвигающегося бедствия. Сначала инфаркт. Он на два месяца выбил из колеи. Вырвавшись из больницы, художник кинулся работать с двойным азартом. Но болезнь не отступала. Однако и вновь распластанный на больничной койке, он думал о будущих картинах. Он не хотел прислушиваться к тревожным интонациям в голосах врачей. Он должен был выиграть и эту битву.

Сценограф, монументалист, книжный график, живописец — его незаурядный талант и огромная работоспособность выражены во всех жанрах. И всегда ясная, честная, общественно значимая мысль, за которую он отважно и темпераментно сражается.

Я знала о чуде, которое совершил больной художник. Видела его произведения, созданные уже в годы недуга. Поражалась солнечностью их тональности, эмоциональной силой. Каждое из них страстно говорило — не говорило, а кричало! — о том, что Человек прекрасен, что Человек достоин счастья, что если он перестает бороться за него, то перестает быть Человеком.

Вот его потрет Теодора Залькална, патриарха реалистического ваяния Латвии. Портрет появился вскоре после кончины Героя Социалистического Труда, выдающегося советского скульптора. Но это не просто скорбный отклик на безвременную потерю. Кисть Вилкса открывает зрителю богатейший духовный мир человека, прожившего очень долгую жизнь, но сохранившего святое и нестареющее свойство вдохновляться.

Броские, острые, как стрелы, напрочь лишенные красивостей иллюстрации к книге «Песни рассвета»,— о трех юных героях, погибших в борьбе с фашизмом.

Все это я видела. Знала, что Гирт Вилкс работает, что он в гуще жизни. Но, честно говоря, я не представляла себе, какая кипучая творческая жизнь идет в мастерской — квартире художника.

Врачи приговорили его к пожизненной неподвижности. Однако для таких, как Гирт Вилкс, жить — это значит работать. И, вопреки прогнозам, он встал с постели. Мужественно и упорно отвоевывал он у болезни шаг за шагом. Бывали, конечно, и черные минуты: вот дрогнет и погаснет луч надежды... И художник призывал тогда на помощь великого лекаря и утешителя — труд.

И он победил, научился заново владеть карандашом, кистью, пером.

Как, за счет каких нравственных ресурсов?

Сын кузнеца из Дурбе, портовый грузчик, рабочий, он постигал знания по вечерам в школе, на архитектурном факультете. И вовсе не удивительно, что в годы оккупации именно его избрал руководитель подпольной группы артист и режиссер Леонид Лейманис в качестве своего помощника.

Подвижной, гибкий, легкий на ногу, бегал Вилкс по лестницам рижских домов, незаметно забрасывая в щели почтовых ящиков свернутые листовки с текстом последней сводки Совинформбюро. Не раз гестапо выходило на след, но он оставался неуловимым. Весело, дерзко делал он свое конспиративное дело...

В то время Гирт Вилкс был уже художником - профессионалом. В то время он был уже соратником великого романтика латышской сцены Эдуарда Смильгиса. Гирт Вилкс оформлял почти все его спектакли. А всего — 120. Главная тема его сценографического творчества — Райнис, все пьесы Райниса, Упит, Блауман, современные драматурги. Особое место в творческой биографии художника занимает «Анна Каренина». И, наконец, «Оптимистическая трагедия»...

Гирт Андреевич сидит в низеньком кресле, перед ним — им же сконструированный мольберт, похожий на детскую парту. Кругом кипы набросков, эскизов, макеты, холсты, рулоны бумаги, тюбики красок. И множество книг.

На вопрос о здоровье Гирт Андреевич отвечает односложно: хорошо! Загорается, рассказывая о последних встречах со зрителями,— о персональной выставке в рыболовецком колхозе «Узвара», о беседах с рабочими Броценского цементного комбината, где тоже была экспозиция, со студентами педагогического училища...

— Один раз в неделю у меня бывает праздник,— говорит Вилкс,— ко мне приходят мои ученики — студенты Академии художеств. Я читаю лекции по монументальной пропаганде.

И сразу резкое переключение:

— Она жаждет полезной деятельности, наша молодежь. Она любит спорить! Не уклоняться от споров! Скажем, по чисто профессиональным вопросам. Откуда-то распространилось пренебрежение к рисунку. Дескать, современная живопись, скульптура, сценография не требуют графической определенности форм, не опираются на рисунок. Столкнувшись с такими рассуждениями, я наваливался на них со всей яростью. Рисунок — это свеча, которую зажигают для того, чтобы не споткнуться во тьме... Так есть и будет. Спорили до хрипоты. А на следующее занятие ребята пришли, посмотрев и прочитав все, что я им рекомендовал. И наконец важное признание: «Вы были правы».

Таков он. Он не терпит полуправды, комплиментарности, этот неиссякаемо деятельный коммунист-художник.

И, конечно, страстная партийность выражается прежде всего в его творчестве. Каждая новая работа — открытие: богата и очень мужественна его палитра. Он, несомненно, национален. Но это не цитирование фольклора, не слащавое умиление давно прошедшими временами. Он с увлечением изучает не только латышские дайны, но и русские былины, и грузинские легенды, и финский эпос. Он стремится не к копированию, а к обогащению, решительно отметая мещанскую поверхностность, псевдонациональность. Во всех его работах бьется живой пульс эпохи.

Отказавшись от сценографии (о, это было нелегкое решение — порвать с Художественным театром им. Я. Райниса, в котором он проработал свыше тридцати лет! Но сценограф должен быть подвижен, жить в театре...), он сосредоточивается теперь на живописи и книжной графике. Календарь для детского журнала. Макет богато иллюстрированного издания пьесы Я. Райниса «Илья Муромец». Эскизы новых иллюстраций к любимой его «Снегурочке». Портретная живопись.

Но где же холсты, которые обычно загромождают мастерские? Гирт Вилкс щедро раздаривает свои работы колхозам, клубам, экипажам судов, ученикам, друзьям. Недавно он подарил целую серию картин, посвященных Калевале, Петрозаводскому музею...

Художник показывает мне самую последнюю свою работу. Словно солнце вдруг заиграло в утренних росинках: из мягких, нежных переливов спектра выступает лицо мудрое, чуть лукавое, как лицо доброго волшебника из старой сказки. Это портрет Кришьяна Барона, собирателя дайн.

— Он был великий труженик,— говорит Вилкс.— А я... страшно медленно двигаюсь вперед.

Это он-то — медленно?! Да ведь иной здоровый не угнался бы за ним, человеком, не склонившим головы перед тяжким недугом! Не только творчеством — мужеством своим очень нужен людям популярнейший латышский художник Гирт Вилкс. И люди безгранично нужны ему. Значит, впереди еще много открытий.

РИГА.